

ОРК

Л450

I-XX

В. И. ЛЕНИН

3X 242
АРХИВ
Г Е Н У Я

СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ
И НАША ПОЛИТИКА.

АРХИВ

Государственное издательство.
Уральское Областное Управление.
Екатеринбург. — 1922г.

151677

3К23
Г348-24
X45
242

6 марта на Всероссийском съезде рабочих металлистов в Москве тов. Ленин произнес речь о нашем внешнем и внутреннем положении, имеющую огромное политическое значение.

Мы твердо хотим соглашения, капиталисты веляют.

Вы все знаете, товарищи, что во главе вопросов международной политики у нас продолжает стоять Генуя. Но никто не знает (и очень опасаясь, что сами устроители Генуэзской конференции не знают), имеет ли она много шансов состояться, или этих шансов она почти не имеет.

Во всяком случае наша позиция с самого начала была совершенно твердой и такой же твердой осталась. И не наша вина, если не только твердости, но даже и самой элементарной решительности, самой элементарной способности выполнять свои же намерения не хватает у кого-то другого. Мы с самого начала заявили, что Геную приветствуем и на нее идем. Мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее как купцы, потому что вам торговля с капиталистическими странами (пока они еще не совсем развалились) безусловно необходима. Мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только.

1519151
Суть соглашения — торговля, остальное — пустая игра.

Это, конечно, нисколько не секрет для тех капиталистических государств, правительства которых составляли первый план Генуэзской конференции и двигали ее в ход. Эти государства превосходно знают, что ряд торговых договоров, связывающих нас с различными капиталистическими странами, становится все длиннее, число практических торговых сделок растет; число детальнейшим образом обсуждаемых торговых предприятий, совместно русских и иностранных, в самых разнообразных комбинациях, различных иностранных государств и различных отраслей нашей промышленности — в настоящее время громадно.

ФОНД
РЕДКИХ КНИГ

КНИЖНИЦА

БИБЛИОТЕКА
С. СВЕРДЛОВСКОЕ

Поэтому, практическая основа того, о чем в Генуе, главным образом, будет идти речь, капиталистическим государствам великолепно известна. И если, в дополнение к этой основе, является надстройкой куча всяческих политических разговоров, предположений, проектов, то надо понимать, что это—только надстроечка, очень часто искусственно построенная, выдуманная и осуществляемая теми, кто в этом заинтересован.

Более, чем за 4 года существования Советской власти, мы, разумеется, достаточно приобрели практического опыта (помимо того, что мы об этом достаточно знали и теоретически), чтобы уметь оценивать надлежащим образом эту дипломатическую игру, которую развернули по всем правилам устарелого буржуазного дипломатического искусства господа представители буржуазных государств.

Мы прекрасно понимаем, что лежит в основе этой игры: мы знаем, что суть ее составляет торговля.

Капиталистам необходима торговля с Россией, но они не умеют наладить дело.

Буржуазным странам надо торговать с Россией. Они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений, развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор.

Несмотря на все их великолепнейшие победы, несмотря на все то бесконечное хвостовство, которым они наполняют газеты и телеграммы всего мира, экономика их все же расползается. И с самой простой задачей—не то, чтобы новенькое строить, а чтобы старое лишь восстановить,—они вот уже четвертый год, после их величайших побед, справиться не могут. И все еще вертятся вокруг того, как бы встроим, вчетвером, впятером собраться (число, как видите, необыкновенно большое, страшно затрудняющее возможность соглашения) и составить такую комбинацию, чтобы можно было торговать.

Я понимаю, что коммунистам научиться торговать действительно надо время, и что всякий, кто хочет этому научиться, сначала несколько лет будет делать грубейшие ошибки, и история ему простит, потому что это дело новое. Тут пужно и мозги сделать более гибкими, и скинуть всякую коммунистическую или, вернее, русскую обломовщину, и многое другое. Но чтобы представителям буржуазных государств приходилось заново учиться делу торговли, которую они ведут сотни лет, и на которой построен весь их общественный быт,—это странно.

Для нас, впрочем, это не так странно: мы давно говорили и знали, что они империалистическую войну оценили менее правильно, чем мы. Они оценивали ее с точки зрения того, что лежит у них под носом, а через три года после их гигантских побед не могут найти выхода из положения. Мы, коммунисты, говорили, что мы войну оцениваем глубже и правильнее, что противоречия и бедствия ее действуют неизмеримо шире, чем предполагают капиталистические государства. И, глядя со стороны на буржуазные страны-победительницы, мы говорили: поманут они наши предсказания и нашу оценку войны и ее последствий еще не раз.

Нам необходима торговля с капиталистами, и мы ее налаживаем.

Нас не удивляет то обстоятельство, что они запутались, пожалуй, меньше, чем в четырех соснах. Но в то же время мы говорим:

Для нас необходима торговля с капиталистическими государствами, пока они существуют, как таковые.

На переговоры с ними мы идем, как торговцы, а что мы можем это осуществить, это доказывается числом торговых договоров с капиталистическими державами, которое растет, доказывается числом сделок.

Мы не можем их опубликовать, пока они не заключены. Когда к нам является торговец капиталист и говорит: пока мы не дошли до конца разговоров, это должно остаться между нами, — конечно, с торговой точки зрения в этом отказать нельзя. Но мы то знаем, сколько договоров находится в подготовке, один список их занимает несколько страниц, в числе их находится десятки обсужденных конкретно-практических предложений с солидными финансовыми группами. Конечно, господа представители буржуазных держав, собирающихся в Генуе, знают это не хуже нас.

Запугать угрозами нас не удастся.

И поэтому, если мы в телеграммах из-за границы встречаем постоянные известия о том, как будто они не представляют себе точно, что будет происходить в Генуе, как будто они выдумывают что-то новое, как будто они мир хотят удивить тем, что предъявят России новые условия, то позвольте им сказать (я надеюсь, что мне удастся лично это сказать Ллойд-Джорджу в Генуе):

— Вы этим никого не удивите, господа. Вы—люди торговые и торгуете прекрасно. Мы торговле еще только учимся и торгуем очень плохо. Но у нас есть десятки и сотни договоров и проектов договоров, из которых видно, как мы торгуем, какие и на каких условиях мы сделки заключаем или будем заключать. А если мы встречаем в газетах всякие известия, рассчитанные на то, чтобы кое кого запугать, о том, что нам навяжут какое-то испытание, то мы на этот счет довольно спокойно улыбаемся.

Угроз мы видали достаточно и притом более серьезных, чем угрозы торговца, который собирается хлопнуть дверью, предлагая свою, самую что ни на есть последнюю, цену.

Мы видели угрозы пушками со стороны союзных держав, в руках которых находится почти весь мир. Угроз этих мы не испугались. Об этом, господа европейские дипломаты, пожалуйста не забывайте.

Мы еще посмотрим: кто кого?

Мы официально даже вовсе говорить об этом не будем. Но мы этого не забыли. У нас ни один рабочий, ни один крестьянин не забыл, забыть не может и никогда не забудет, что он воевал, отстаивая рабоче-крестьянскую власть против союза всех, самых могущественных держав, которые поддерживали вооруженное нападение на Россию.

У нас есть целая коллекция договоров, которые эти государства в течение ряда лет заключали с Колчаками и Деникиными. Они опубликованы, мы их знаем, весь мир знает их. Зачем же играть в прятки и изображать дело так, как будто мы все стали Иванами-Непомнящими? Каждый крестьянин и каждый рабочий знает, что он воевал с этими державами, и что они его не победили.

И если вам угодно, господа представители буржуазных государств, забавляться и тратить вашу бумагу (у вас ее очень много, больше, чем нужно), ваши чернила, обременять ваши провода и ваши радио-станции на то, чтобы оповещать весь мир: „мы Россию поставим в положение испытываемой“,—то мы еще посмотрим, кто кого.

Мы уже испытывались и испытывались не словами, не торговлей, не рублем, а дубьем. И мы уже заслужили тяжелыми, кровавыми и мучительными ранами то, что про нас не мы сами, а противники должны сказать: „за битого двух небитых дают“.

Мы заслужили это в области военной. Вот по части торговой, жаль, что мало нас коммунистов быт, но я надеюсь, что в ближайшем будущем этот недостаток будет восполнен и с таким же успехом.

Знают-ли капиталисты, чего они хотят?

Я сказал, что рассчитываю лично поговорить с Ллойд-Джорджем в Генуе на эти темы и сказать ему, что пугать нас пустяками не следует, ибо от этого только потеряют престиж (влияние) те, кто пугает. Я надеюсь, что этому не помешает моя болезнь, которая несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен. Я имею основание рассчитывать, что через несколько недель я смогу вернуться к своей непосредственной работе.

Но сумеют ли они через несколько недель сговориться втроем или вчетвером насчет того, о чем они весь мир оповестили, что они сговорились? В этом я не уверен.

Я даже решаюсь утверждать, что никто в мире в этом не уверен, и даже больше, что они сами этого не знают. Когда победившие державы, имеющие в своих руках власть над всем миром, собрались в Каннах, после того, как они уже много раз собирались (число их конференций бесконечно, и европейская буржуазная пресса даже сама смеется над этим), — они все же не смогли сказать как следует, чего они хотят.

Правительства неустойчивы, часть буржуазии определенно хочет войны.

Правильнее всего, поэтому, с точки зрения практических задач, а не с точки зрения дипломатической чехарды, определил положение т. Троцкий. На другой день после известия о том, что Генуя совсем налажена, совсем сговорена, что насчет Генуи полное согласие, но что только неустойчивость одного из буржуазных правительств (они стали как-то подозрительно неустойчивы) вынудила временную отсрочку, — он опубликовал приказ:

— Пусть каждый красноармеец усвоит себе международное положение.

Мы знаем твердо, что у них есть устойчивая группа, которая желает попробовать вооруженное вмешательство. Мы будем на чеку, и пусть каждый красноармеец знает, что такое дипломатическая игра, и что такое сила оружия, которая до сих пор решала все классовые конфликты (столкновения).

Пусть каждый красноармеец знает, что такое эта игра, что такое сила оружия, и тогда мы посмотрим.

Как ни развалился капитализм во всех капиталистических странах, но эту штуку попробовать могут многие не невлиятельные партии. А если правительства неустойчивы настолько, что не могут созвать во-время собрания, то кто знает, в чьих руках окажутся эти правительства.

Мы знаем, что у них есть влиятельные, желающие войны партии, и влиятельные лица, и экономические воротилы. Мы это прекрасно знаем, и о настоящей сути, которая лежит в основе экономических договоров, на этот счет мы осведомлены достаточно.

Пусть только попробуют!

Мы тяжелого вывели необыкновенно много и знаем, какие бедствия и мучения новая попытка войны может причинить нам, и мы говорим, что мы это еще раз вынесем, попробуйте только это попробовать.

Вывод, который сделал т. Троцкий, опубликовавший, вместо соображений дипломатической чехарды, свой твердый призыв, состоит в том, чтобы каждому красноармейцу разъяснили международное положение заново, что отсрочка Генуэзской конференции по случаю неустойчивости итальянского кабинета—это есть опасность войны.

Мы добьемся, что у нас каждый красноармеец это будет знать.

Нам тем легче этого добиться, что редко можно найти такую семью, такого красноармейца в России, которые этого не знали бы, и не только из газет, циркуляров или приказов, а из своей деревни, где он видел калек, видел семьи, которые эту войну выдержали, где он видит неурожай, голод мучительный и разорение, дьявольскую нужду. И знает, чем они вызваны хотя он не читает парижских изданий меньшевиков и эсеров, чтобы объяснить это злокачественными свойствами большевиков.

У него едва-ли есть теперь более прочное настроение во всем его существе, чем настроение отпора (скажу хоть так), отпора тем, кто навязал нам и поддержал против нас войну Колчака и Деникина. На этот счет нам не нужно создавать новых комиссий агитации и пропаганды.

Россия—не побежденная страна!

По вопросу о Генуэзской конференции нужно строго отгладить суть дела от тех газетных уток, которые буржуазия пу-

скают. Ей они кажутся страшными бомбами, но нас они не пугают, так как мы их много видели, и они не всегда заслуживают, чтобы на них отвечать даже улыбкой. Всякие попытки навязать нам условия, как побежденным, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать.

Мы, как бушцы, завязываем отношения и знаем, что ты должен нам, и что мы тебе, и какая может быть твоя законная и даже повышенная прибыль. Мы видим много предложений, число договоров у нас растет и будет расти, как бы фигура трех-четырех держав-победительниц ни складывалась. Этой отсрочкой конференции вы потеряете. Вы своим собственным людям докажете, что вы сами не знаете чего хотите, и что вы больны так называемой болезнью воли. Эта болезнь заключается в непонимании той экономики и политики, которую мы оценили глубже вас. Скоро десять лет пройдет, как мы оценили это, а вся эта последующая разруха и развал все еще не ясны для буржуазных государств.

Мы сделали много завоеваний, мы могли кое-что уступить.

Мы совершенно ясно видим и не скрываем, что новая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать, но такова уже логика борьбы.

Если кто помнит, что было в октябре 1917 года, тот знает, какую массу компромиссных предложений делали тогда большевики по отношению к буржуазии.

Они говорили: господа, у вас дело разваливается, а мы у власти будем и ее удержим. Не угодно-ли вам обдумать, как-бы вам, выражаясь по-мужички, без скандала это уладить. Мы знаем, что были не только скандалы, а попытки восстаний, которые навязали меньшевики и эсеры. Наши противники думали, что они покончат с нами, они думали не на словах, а на деле заставить нас подчиниться. Они говорили: „ни на какие уступки не пойдем!“ Мы ответили: „если вы думаете, что мы на крайние коммунистические меры не решимся, то ошибаетесь!“ И мы решились, мы это сделали, и мы победили.

Сейчас мы говорим, что многих позиций нам не удержать. Мы отступаем, потому что у нас достаточно завоевано, чтобы удержать за собой нужные позиции. Вся белогвардейщина, во главе с меньшевиками и эсерами, ликует и говорит: «ага, вы отступаете!» Ликуйте, этим вы ублажаете себя,—говорим мы. Нам это выгодно, если наш неприятель, вместо деловой работы, занимается самоублажением. Торжествуйте, вы ста-

КН

ИШТ

ТЕХНИ

СВЯЗОВСКИЙ

вите нас в еще более выгодное положение тем, что иллюзиями ублажаете себя.

Мы завоевали громадные позиции. Если бы, начиная с 1917 по 1921 год, мы не завоевали себе этих позиций, у нас не было бы пространства для отступления—и в смысле географии, и в смысле экономическом и политическом. Мы сохраняем власть в союзе с крестьянами, а если вы не хотите соглашаться на условия, которые вам предлагались до войны, то после войны получите худшие условия.

Это точно запечатлено в истории дипломатической, экономической и политической с 1917 по 1921 год, так что это несколько не хвастовство. Это просто констатирование, просто напоминание. Если бы господа капиталисты в октябре 1917 года приняли наши предложения, они имели бы в пять раз больше, чем сейчас.

Вы воевали 3 года. Что получили? Еще хотите воевать?

Довольно отступлений и уступок!

Мы хорошо знаем, что желают воевать среди капиталистов далеко не все. Мы знаем, с другой стороны, что при отчаянном голоде, при том состоянии промышленности, какое есть, всех позиций, полученных с 1917 по 1921 год, вам не удержать. Мы целый ряд их сдали. Но мы можем теперь сказать, что это отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено.

Мы свои силы и силы капиталистов взвесили. Мы целый ряд примерных разведочных движений в смысле заключения договоров с капиталистами русскими и иностранными имеем и говорим, и я надеюсь и уверен, что съезд партии скажет это официально от имени руководящей партии России:

Наше экономическое отступление мы теперь можем остановить. Достаточно. Дальше назад мы не пойдем, а займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы.

Трудности перед нами огромные, опасности чрезвычайно велики.

Когда я говорю, что мы свое экономическое отступление приостанавливаем, это не значит, чтобы я сколько-нибудь забывал те дьявольские трудности, в которых мы находимся, и чтобы я хотел вас на этот счет успокоить и утешать. Вопрос о границах отступления и о том, приостанавливаем мы его или нет—это вопрос не о том, какие трудности перед нами ле-

жат. Мы знаем, какие трудности стоят перед нами. Мы знаем, что такое голод в крестьянской стране, как Россия. Мы знаем, что поправить бедствия, вызванные голодом, нам еще не удалось. Мы знаем, что значит финансовый кризис в стране, которая вынуждена торговать, и в которой выпущено такое обилие бумажных денег, какого свет не видал.

Мы знаем все эти трудности, мы знаем, что они громадны. Я не боюсь сказать, что они необъятны. Напротив, мы почерпаем свою силу из того, что говорим открыто рабочим и крестьянам:

— Вот какие трудности перед вами лежат, вот какая опасность нам угрожает со стороны западных держав. Давайте работать и смотреть трезво на наши задачи! Вот где главная опасность: бедствия, вызванные голодом, надо залечить. Мы их еще не залечили. Мы еще отнюдь не преодолели финансового кризиса.

Так что отнюдь не в том смысле надо понимать слова о приостановке отступления, что мы уже считаем, что нами фундамент (новой экономики) создан, и что мы можем идти спокойно. Нет, фундамент еще не создан. Спокойно смотреть на будущее мы еще не можем. Опасностями мы окружены и военными, о которых я говорил достаточно, и еще большими опасностями мы окружены внутри, где существуют опасности экономические, состоящие в страшном разорении крестьянства, состоящие в голоде, состоящие в финансовом неустойстве. Они чрезвычайно велики.

Но мы в панику не впадем.

От нас требуется огромное напряжение сил.

Но если нам навяжут войну, мы воевать сумеем. Но повести войну им тоже не так легко.

В 1918 году им было легко начать войну и продолжать ее в 1919 году точно также. Но до 1922 года утекло много и воды, и крови и всего иного. Западные рабочие и крестьяне совсем не те, что были в 1919 году. И надуть их, говоря им, что война идет против немцев, а большевики так себе, посланцы немцев и больше ничего,— надуть нельзя.

Мы в панику (смятение) не впадаем от нашего экономического положения. Мы в настоящее время имеем десятки договоров, заключенных с русскими и иностранными капиталистами. Мы знаем, какие трудности перед нами были и есть. Мы знаем, почему русские капиталисты на эти договоры пошли. Мы знаем, на каких условиях эти договоры заключены. Большинство этих капиталистов идут на эти договоры как практики, как купцы. И мы идем, как купцы.

Но всякий купец в известной степени учитывает политику. Если это купец не совсем дикой страны, он не заключит сделки с правительством, которое не представляет больших видимостей прочности, большой надёжности. Тот купец, который сделает это, это уж не купец, а дурак. А их бывает среди купцов не подавляющее большинство, потому что вся логика купеческой борьбы убирает их с купеческого поля. Если прежде у нас была оценка: побил тебя Деникин, докажи, что ты можешь его побить, то сейчас оценка другая: побил тебя купец, — докажи, что ты можешь заставить его пойти на сделку. Мы это доказали. Мы имеем уже ряд договоров с крупнейшими капиталистическими фирмами России и Западной Европы. Мы знаем, на что они идут. Они знают, на что мы идем.

Довольно канителиться!

В связи с тем положением, когда Генуя показывает колебания, которым, кажется, не придвинется и конпа и когда мы в своей внутренней политике сделали столько уступок, — теперь мы должны сказать: довольно, больше никаких уступок! Если господа капиталисты думают, что можно еще тянуть, и чем дальше, тем будет больше уступок, повторяю, им нужно сказать:

Довольно; завтра вы не получите ничего.

Если история Советской власти и ее побед их ничему не научила, тогда как им угодно. Мы с своей стороны все сделали, и мы заявили об этом перед всем миром. Я надеюсь, что съезд также подтвердит, что дальше мы не отступаем.

Отступление кончилось, а в связи с этим и изменяется наша работа.

Долой расхлябанность и бестолковость!

Нужно отметить, что у нас до сих пор замечается большая нервность, почти болезненность при обсуждении этого вопроса, составляются всяческие планы, и выносятся всякие решения.

Мы находимся в положении людей, и надо сказать, что положение это очень глупое, которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы — до бесконечности. Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени, Россия проделала три революции, а все же Обломы остались: Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий, и коммунист.

Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел.

Поставить деловых людей во главе хозяйственных учреждений!

Мы можем повторить слова Маркса, что во время революции делается не меньше глупостей, а иногда и больше. Нужно смотреть на эти глупости трезво и безбоязненно. Этому мы, революционеры, должны научиться. Мы сделали в эту революцию так много неотъемлемого, что уже окончательно победило, и о чем уже знает весь мир, что нам смущаться и нервничать ни в каком случае не надо.

Сейчас положение такое, что мы, опираясь на произведенную разведку, делаем проверку того, что нами сделано. Эта проверка имеет очень важное значение, от нее мы должны направляться дальше. И когда нам предстоит выдержать борьбу с капиталистами, нам нужно решительно проводить наш новый путь.

Нам нужно построить всю нашу организацию так, чтобы во главе коммерческих предприятий у нас не оказались люди, не имеющие опыта в этой области.

У нас сплошь и рядом во главе учреждения ставится коммунист—человек, заведомо добросовестный, испытанный в борьбе за коммунизм, человек, прошедший тюрьму, но такой, который торговать не умеет, и по этому случаю он поставлен во главе государственного треста. И вот он имеет все неоспоримые достоинства, как коммунист, а купец-то его все-таки вздует и отлично сделает. Ибо напрасно самых достойных, великолепнейших коммунистов, в преданности которых ни один человек, кроме сумасшедшего, не усомнится, посадили туда, куда нужно ставить расторопного, добросовестно относящегося к делу приказчика, который гораздо лучше справится со своей работой, чем самый преданный коммунист.

Вот здесь-то и сказывается наша обломовщина. Мы на практическую работу для исполнения посадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно непригодных. Сколько у нас коммунистов сидит в государственных учреждениях? У нас имеются громадные материалы, солидные труды, которые бы привели в восторг самого пунктуального ученого немца, у нас имеются горы бумаг, и нужно 50 лет работы Истпарта, умноженных на 50, чтобы во всем этом разобраться. А практически в государственном тресте вы ничего не добьетесь и не узнаете, кто за что отвечает.

Долг говорунув и заседателей! За практическую работу!

Практическое исполнение декретов, которых у нас больше, чем достаточно, не находит себе проверки. Исполняются ли у нас постановления коммунистических ответственных работников? Умеют ли они это дело поставить? Нет, этого нет, и вот почему изменятся и гвоздь нашей внутренней политики.

Что такое наши заседания и комиссии? Это очень часто игра. После того, как мы начали чистку партии, сказали себе: примазавшихся к партии, шкурников, воров—долгой!—стало у нас лучше. Сотню тысяч, примерно, мы выкинули, и это прекрасно, но это только начало. На съезде партии мы этот вопрос обсудим как следует. И тогда, я думаю, те десятки тысяч, которые теперь устраивают только комиссии и никакой практической работы не ведут и не умеют вести, подвергнутся той же участи.

Вот когда мы, таким образом, почиемся, наша партия будет заниматься фактической работой и будет понимать ее так же, как она понимала ее в области военной.

Конечно, эта работа не только нескольких месяцев, но и не одного года. Мы должны отличаться твердокаменностью в этом вопросе. Мы не боимся сказать, что характер нашей работы изменился.

Самый худший у нас внутренний враг—это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту, который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный, но плохо понимает свое дело, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, прикрывает ее.

От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против всей бестолковщины и обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может.

Твердая политика вовне и внутри.

Заканчивая свою речь, я подведу краткий итог. Игра в Геную, игра в чехарду, которая около нее происходит, ни мало нас не заставит колебаться. Теперь уже нас не поймают. Мы идем к купцам и будем идти на сделки, продолжая свою политику уступок, но границы их уже определены. То, что мы до сих пор дали купцам в наших договорах, мы сделали в смысле шага назад в нашем законодательстве, и дальше мы не пойдем.

В связи с этим изменяются наши главные задачи во внутренней, особенно экономической, политике. Нам нужны не новые декреты, не новые учреждения, не новые способы борьбы. Нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения.

Следующая чистка пойдет на коммунистов, мнящих себя администраторами. Пробирайтесь лучше в область пропагандистской и агитаторской и всякой иной полезной работы—все те, кто комиссии, совещания и разговоры ведут, а простого дела не делают. Сочиняют что-нибудь особенное и мудреное и оправдываются тем, что новая экономическая политика, и надо что-нибудь выдумать новое. А то дело, которое им поручено, не делается. Не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, и не стараются превратить ее в 2 копейки, а составляют планы на миллиарды и даже триллионы советские. Вот против этого зла мы поведем нашу борьбу.

Проверять людей, и проверять фактическое исполнение дела—в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики. Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а дело нескольких лет. Мы официально должны сказать от имени партии, в чем теперь гвоздь работы, и соответственно перестроить ряды. Тогда мы в этой новой области окажемся такими же победителями, какими до сих пор оказывались во всех областях работы, за которые большевистская пролетарская власть, поддержанная крестьянской массой, принималась.
